

ФИЛОСОФИЯ
КУЛЬТУРЫ

В. В. Колесов

ИСТОЧНИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСТОКИ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

*Современную Россию мы знаем —
старую надобно угадать.*

Алексей Хомяков

Основным источником в изучении истории языка ли, литературы или идей является письменный текст, счастливо сохранившийся до наших дней. Достоверность источника, его содержательность имеют первостепенное значение при оценке тех терминов и суждений, на основе которых мы и восстанавливаем малоизвестную историю русских идей. Прежде чем говорить о терминах и связанных с ними понятиях, необходимо взглянуть в источники наших сведений о прошлом. Обсудим некоторые вопросы истории древнерусской литературы, которая еще не разграничивала свои тексты на художественные, научные или идеологически важные. Каждый текст мог содержать в себе и научные сведения, и развиваемые автором идеи, и обязательно был художественным в том смысле, какой придавался этому понятию в те времена.

Для удобства и краткости рассуждений воспользуемся старинным, восходящим к средневековым схоластам символическим образом семантического треугольника, с помощью которого можно показать связь между основными понятиями нашей темы, между *идеями* — словом и — предметным миром, а именно:

Идея — это всякая мысль, облеченная в мыслимую форму, и представление, и образ, и понятие; знак в нашем случае слово, а вещь — всякое телесное явление действительности, воплощающее идею и выраженное в слове знаке, в нашем случае это текст. Так рисуется и историческая последовательность погружения в текст: исследователь переходит от слова через идею в текст. В такой же последовательности рассмотрим и нашу тему, с разных сторон разворачивая перспективу развития древнерусской литературы.

1. Слово: определение культурного контекста

Древнерусская литература разделяет все особенности европейских средневековых литератур, с тем лишь отличием, что на Руси устная народная и книжная христианская литературы сосуществовали параллельно, обслуживались различными типами языка, используя разные жанры и распространяясь каждая в своей социальной среде (напр., в Византии классическая — языческая — литература обреталась в верхних слоях общества, у нас же язычество долго держалось в нижних — в народе). Это различие обусловило особенности развития литературных текстов на Руси. "Народная Библия", т. е. переработанные в духе сказаний и легенд, а впоследствии и сказок, ветхозаветные сюжеты через апокрифы (запрещенные церковью тексты) попадали в народную среду и перерабатывались здесь в духе низовой литературы. Полный текст Библии мы получили только в 1499 г., в народе же легенды о царе Соломоне и Китоврасе, о других ветхозаветных героях известны с XII в. (они восходят к текстам антииудейской Толковой Палеи, составленной на Руси), а в духовных песнях и в заветной (глубинной) Голубиной книге все эти герои собираются вместе, чтобы истолковать смысл жизни и бытия. Так сложились два уровня, или лучше — два слоя древнерусской литературы, для христианина и для крестьянина. В известной мере это создало и традицию: наряду с официальной, рекомендуемой литературой на Руси всегда сохранялась литература второго плана, немаркированная по идеологическому признаку, можно даже сказать, "подпольная", диссидентская и тем особенно привлекательная. Именно в таких текстах развивались процессы, которые впоследствии охватывали изменением все уровни русской литературы. На отважный эксперимент в поисках нового содержания и свежих форм шла именно низовая литература.

Второе отличие от западноевропейской средневековой литературы определяется тем же. На Западе сакральные тексты существовали на латинском языке, а народная литература возникала на основе испорченной латыни, в многочисленных вариантах романских или германских языков. На Руси все слои литературных текстов создавались на одном языке — славянском. До начала XV в. диалектные отличия были несущественны и не влияли на расхождение в текстах. Поэтому создавшееся положение — два уровня текстов — создало не два литературных языка, как на Западе, а *два стиля одного языка*. Их взаимное влияние друг на друга впоследствии обеспечило развитие художественных средств литературного текста.

Третье отличие хорошо известно. Гений Аристотеля подарил Европе ту великую мысль, что мысль и язык взаимозависимы, что идея не может существовать без воплощения в слове, что *логическое и языковое* представляют собою две стороны одного листа, на котором и записаны знаки культуры. Разорвать их никак нельзя, но их "разорвали" разделившиеся христианские конфессии. Из формулы

$$ratio = \text{мысль} > \text{ментальность}$$

$$logos = \text{язык} > \text{духовность}$$

католичество извлекло первый член, а православие — второй. Это обусловило и особенности средневековых европейских литератур, и отношение к ним разных слоев общества.

Разумеется, на практическом уровне существования это не приводило к тому упрощенному состоянию, которое часто приписывается сегодня русским: будто в отличие от логически строгой мысли и прагматической рассудочности западного человека мы обретаемся на уровне образов и впечатлений и неспособны к разумному решению проблем. Рассудительность и практическая тонкость мысли русского мужика поражает иностранца с XV века, с этим тоже все в порядке. Речь идет о предпочтениях: для русского сознания духовно идеальное, возвышающее над бытом выше приземленно человеческого рационализма. Дух направляет мысль, а не наоборот.

Не забудем, что *ratio* и *logos* представляют собою одно и то же единство логического и лингвистического, мысли и слова, и только выражено оно в латинском или в греческом термине. Мы наследники византийского Логоса, но даже сравнение смыслов греческого и русского слов, *logos* и "слово" при внешнем их подобии показывает различия, существующие между культурами. Греческий термин образован от глагола со значением 'говорить', тогда как "слово" — от глагола со значением 'слушать'. В греческом слове преобладает идея разумности, того же *ratio*, тогда как для славянского употребления более характерно значение, связанное с выражением духовного, а не рассудочного знания. В греческом подчеркивается индивидуальная возможность человека распоряжаться своим собственным "логосом", а в славянском указана зависимость личного "мнения" или суждения от общего, соборного восприятия или знания (совместного со-знания) — не личным разумением человека, а божьим произволением, в которое надлежит "вслушаться". Такое предпочтение коллективного и возвышенного существенно, оно подчеркивает направленность славянского выбора. Оказывается, даже при переводе греческого термина *logos* славяне заимствовали природно свое, то, что ближе их духу: "Ratio есть человеческое свойство и особенность; Логос метафизичен и божествен"¹.

Сказанным определяется и предпочтение в производной терминологии. Модное ныне слово "менталитет" ("ментальность" в русской форме) соотносится именно с *рацио*; в русской традиции ментальноеTM соответствует духовность, т. е. та же способность воспринимать и оценивать мир и человека в категориях и формах родного языка, но с преобладанием идеальной, духовной точки зрения. Когда русский философ пишет для западного читателя, он вынужден "переводить" понятие духовности, подобно тому, как это делает Николай Бердяев: "Русский ментализм еще скажет свое слово Европе". Речь идет о "русской духовности".

В остальном средневековая культура совпадала на Западе и на Востоке Европы, характеризуясь следующими признаками:

а) эта культура носит *вербальный характер* — все средневековые "художества" исходят из слова ("В начале было слово..."), а особое отношение к Логосу обусловило у православных предпочтение "Иоаннова христианства" (слова Николая Бердяева намекают на Четвертое Евангелие) христианству "Петрову" или "Павлову";

б) средневековая культура *насквозь символично*, поскольку принятие христианства ведет к заимствованию готовых христианских символов, последовательно сохраняющихся как образец в литературе новопосвященных "новых людей"; это обусловило художественные особенности текстов, о которых речь ниже, но главное, что несет с собой символ, — "утрату красок" (Лев Карсавин) в восприятии и изображении мира; такова цена, которую платит культура за *углубление* смыслового поля личного сознания христианина;

в) средневековая культура *традиционно* — это культура культа, и тексты ее таковы же (формульность, этикетность, канон). Общность языка и равноценность заложенных в древнерусских текстах идей сохраняли массив текстов почти неизменным, обеспечивая общность культурной традиции во времени и в пространстве распространения *Slavia Orthodoxa* — православной культуры Средневековья.

Национальная культура создается постепенно путем диффузии исконно славянских (языческих) и заимствованных христианских черт, но первые книжные ж а н р ы *заимствованы*.

В заимствовании литературных жанров велика роль я з ы к а-посредника; таковым поначалу был для нас старославянский язык (возник в X в. на староболгарской основе), к моменту распространения христианских текстов на Руси уже имевший качественные переводы с греческого и латинского языков. Более того, и потаенную литературу — апокрифы различного содержания — древ-

¹ Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 215.

нерусские книжники получили сначала в переводах, сделанных в Восточной Болгарии. Разница заключалась лишь в некоторых расхождениях в лексике и в произношении. Например, там, где болгарин писал жизнь или *болеѣнь*, русский автор предпочитал слова живот и болезнь или недуг. Если болгарский книжник по старинке писал (и произносил) *благодѣть*, *нощный вран*, прежде, то русский его собрат заменял подобные формы на *благодать*, *ночной ворон*, *преже* или (что важно) оставлял их наряду со своими разговорными формами, так что в результате столкновения старых и новых форм в одном тексте постепенно вырисовывались различия в *с т и л е*, высоком и обычном.

Так преобразовывался материал литературного текста — форма, в которую облачается всякая мысль. И в нашем изложении, естественно, возникает проблема языка, стиля и жанра.

Язык изменяется постоянно; сначала в качестве литературного языка (языка древнерусской литературы) был представлен только церковнославянский (и параллельно ему "над диалектный" русский в устных формах фольклора — с усреднением диалектных форм, с обобщением литературных формул независимо от места сложения устного текста). С XVII в. мы видим уже сосуществование двух форм литературного языка, церковнославянского и русского, а с XIX в. в качестве литературного (и языка литературы) является и навсегда остается национальный русский, потому что развитие новых поэтических средств и речевых формул возможно только на материале родного — "живого" — языка, только он *обогащается семантически*.

Стиль также постоянно преобразуется, на первом этапе [1] с предпочтением высокого стиля как единственного, на втором [2], а это рубеж XIV-XV в., "Зрелое Средневековье", в поэтической практике открывают (Епифаний Премудрый) стиль средний и, наконец, стиль "подлый", т. е. низкий (этап [3] в середине XVII в. в текстах протопопа Аввакума). Формула речи как основной элемент текста семантически сводится к отдельному слову, сгущается в одно слово. Никогда не знаешь, действительное ли событие описывает автор древнерусского текста; иногда события никакого не было, но искусный подбор художественных формул может его воссоздать, как случилось это, например, с летописным описанием битвы на Альте в 1016 году. В древнерусском тексте этапа [1] *вещь создается словом*, но такое слово как символ и образец сохраняется и в последующих воспроизведениях текста; так, образы святых братьев Бориса и Глеба, созданные в произведениях второй половины XIV в., в текстах начала XV в. представлены как символы. На Куликовом поле они ободряют русских ратников, суля им победу. В пределах традиционных текстов возникает устойчивое соотношение между семантикой — смыслом и стилем — формой:

по стилю близки	{	*высокий (сакральный) *средний* (профессиональный) низкий* (бытовой)	}	по семантике близки
-----------------	---	--	---	---------------------

Принадлежность к литературе стала определяться не только границами жанра, но и характером стиля. Именно поэтому многие жанры древнерусской литературы уходят из "беллетристики" — создается новый тип художественной литературы, возникает проблема авторства, прежде всего как возможности выбора поэтических средств языка и жанра.

В связи с этим преобразуется и жанр, что видно на любом традиционном жанре древнерусской литературы: житие постепенно развивается в "поведание" или "повесть" (например, о князе Скопине-Шуйском, народном герое XVII века, по прежним канонам тоже своего рода житие), а эта последняя незаметным образом переходит в жанр романа в Новое время (например, протопоп Аввакум пишет о живом себе в своем житии, превращая житие в "первый русский роман").

Так обстоит дело с той исходной точкой, которую в семантическом треугольнике мы назвали "словом": "Вначале было слово..."

2. И д е я : периодизация по различительным признакам

Итальянцы читают Данте как понятного им даже по языку писателя; с некоторыми оговорка-

ми то же относится к любому классику мировой литературы в европейских странах. Младшего современника Данте — первого великорусского писателя, известного по имени, Елифания Премудрого нам приходится переводить на современный язык: глубина исторической памяти у нас прервана культурными революциями XVII и XIX в. Изменились литературный язык, типы художественного творчества и принципы сложения текста.

Все такие изменения происходили во времени и определялись своими условиями. Изменялся сам стиль жизни, и литература откликалась на эти изменения.

Чтобы лучше увидеть смысл происходивших изменений, выделим три периода, которые не раз еще будем рассматривать и дальше.

Древнерусский период (эпоха 1) — с XI до XV в., это раннее Средневековье; старорусский период (эпоха 2) — до конца XVII в., это Зрелое Средневековье; далее начинается Новое время, со своими частными временными периодами, причем процессы, начинавшиеся в XVII, с разной степенью яркости и силы продолжались позже, вплоть до наших дней, доводя до крайности начатое раньше; мы не будем говорить о Новом времени подробно (это не наша задача), но XVII век выделим как особый, переходный в развитии древнерусской литературы (эпоха 3).

Сначала расставим декорации — опишем внешние условия, в которых осуществлялась древнерусская литература. Разграничительные линии проходят по следующим признакам:

Происходит развитие этноса, на каждом этапе выделяется новая сущность: 1) *народность* — 2) *народ* — 3) *нация* — каждый раз со своим особым отношением в том числе и к литературе. Возникает дифференциация национальных и социальных групп, появляются собственные их интересы и рождаются новые ценности.

Изменяется форма государственности, соответственно: 1) Древняя Русь — 2) Московская Русь — 3) Россия (как империя) — каждый раз со своим кругом литературы, жанров и стилей. Эти этапы не следует смешивать, ибо формы государственности развиваются, проходя каждая свой собственный путь.

Конфессионально это последовательное движение от язычества к христианству (на этапе 1; любопытна параллель между "Словом о полку Игореве" и "Словами" Кирилла Туровского), затем от культа к культуре (на этапе 2; возможно появление жанров внеконфессиональных, даже научных, типа *Логика*), наконец, от культуры к цивилизации (на этапе 3 как развитие от идеи к вещи, с изменением предпочтений — от духовного к материальному). Историки русского христианства показывают глубокое различие между христианством Древней Руси и христианством Московской Руси; первое преисполнено еще "жизнерадостно языческих" черт, второе сурово аскетично, это "монашеское" христианство. Различны и символы (София сменяется Троицей), и идеальные типы святых (затворник Феодосий Печерский — работающий "на мир" Сергей Радонежский), и идеология (аристотелизм сменяется неоплатонизмом). Все три признака укладываются в известную формулу *православие — самодержавие — народность*.

Такова действительность трехмерного пространства бытия, в которой действует важный компонент культуры — литературный текст. Что же касается критики в адрес самой формулы, то она тщетна. Конечно, это не формула "русской имперской идеи", как хотели бы представить дело некоторые. Каждый член есть термин заимствованный, это кальки. Православие на Западе известно как католичество, самодержавие — калька с греческого же "автократия", народность — тоже калька, но с немецкого *Volkstum* (термин немецких романтиков начала XIX в.). Однако объективно трехчастность внешней формы русского национального бытия сложилась в такую именно формулу. Очень удачную формулу. В ее границах происходило развитие всех значимых признаков национальной идеологии. Как символическая формула, она сама по себе вторична (в ее основе идея Троицы), однако как парадигма эта формула помогает сформулировать многие вытекающие из нее идеи и лозунги.

Посмотрим же, как указанная последовательность осмысливается в общественном сознании.

Логически это последовательные этапы раскрытия "понятия", его "схватывания" (понятия): сначала особое внимание привлекает объем понятия (1 — денотат, т. е. предметное значение), затем — содержание понятия (2 — десигнат, т. е. признаки, на основании которых вещи определяются), наконец все понятие целиком (3 — самый термин "понятие" известен у нас лишь с начала XVIII в.). В связи с этим происходит и углубление понятия "литература". Оно качественно преобразуется.

Художественно, с точки зрения отражения логических отношений, происходит сначала развитие метонимии (1 — это средство истолковать заимствуемый символ), затем — метафорического эпитета (2 — "извятие словес" с разными типами определений, главным образом *типичного признака — постоянный эпитет* типа *добрый молодец* или *красная девица*, которые в законсервированном виде сохранились в народной поэзии, восходящей к культуре того времени) и, наконец, — аллегории (3 — краткий период барокко в конце XVII в.; оказался слишком искусственным для русского сознания и благополучно исчез) с окончательной победой метафоры как творческого (авторского) принципа организации текста.

Семиотически эти изменения сопровождаются сменой знаковых систем; на каждом этапе преобладает свой тип: *имя* 1 — *знамя* 2 — *знак* 3. Имя собственное образно значимо (ср. в "Слове о Законе и Благодати" Илариона в XI в.: имена Сара — Агарь, Исаак — Измаил при праотце Аврааме, расположенные в известном порядке, создают идейную композицию Слова, символически значимый подтекст всего произведения; специальные словари-толковники служили для истолкования значимых имен). Роль личных имен у язычников и долгое время даже у князей была особой: *имя и есть человек, имя и есть вещь*.

Знамя (и знамение) символично, это предзнаменования (голос младенца Варфоломея, будущего Сергия Радонежского во чреве матери). Знак же напрямую вводит в понятие, он относит к определенному классу лиц (*Иван Петрович Сидоров* — отчество по отцу и дедина — родовое имя: одновременно в формуле представлены индивид — вид — род).

Имя целиком образ, знамя — символ, знак — рассудочное понятие о принадлежности к классу вещей.

На протяжении всей истории развития русского самосознания в качестве основного сохраняется убеждение в том, *что идея вечна и представляет особую ценность, из нее нельзя исходить, в нее следует входить*. На этом утверждении основан русский "реализм", который и стал *русской формой философствования вообще*.

Но постоянно изменяются, развиваясь, принципы классификации: эквивалентность (равноценность) 1 — градуальность (иерархичность) 2 — привативность (попарная противоположность) 3. Их можно рассмотреть на примере двух символов: добро и зло, свет и тьма. В "Слове о полку Игореве" представлена равноценность двух противоположностей (отчего говорят даже об «остатках язычества» в этом памятнике, что неверно: это обычный дуализм равноценного, одинаково принимаемого). В "Задонщине" и в "Повести о Мамаевом побоище" (начало XV в.) те же символы даются в переходах оттенков света и добра (даже блага) от Сергия Радонежского (абсолютное благо, свет) через Дмитрия Донского к Ольгерду (который все же не дошел до Куликова поля) и к Олегу Рязанскому (активно призывавшему к походу против Дмитрия) и, наконец, к Мамаю; интересно использование имени Ольгерда (в действительности Олег "пересылался письмами" с Ягайлом) — это эвфоническая переключка (Ольгерд — Олег). Понижение степеней блага показывает, что зло — всего лишь отсутствие добра, связанное с невозможностью блага. Позже, в "Казанской истории" (о войне Ивана Грозного с татарами) или в повестях о польском нашествии, отражается уже привативность в распределении "сил", *мы : они* (с вариантами в обозначении противников *агаряне, изма-*

илтяне, злы татаровя и пр.). Положительной является наша сторона, вражеская маркирована отрицательно: со злом начинают бороться.

Дело не ограничивается литературой. Культура объемна, и все искусства охватываются новым типом классификации. Так, с конца XIV в. одновременно с плетением словес в градуальном исчислении синонимов (Епифаний Премудрый) в иконописи (Андрей Рублев) замечается *тональная градация красок* и характерные *пробела* как своего рода светотени. Андрей Рублев создает свою Троицу как воплощение градуальной иерархии равноправных Лиц. Изменения происходят в стилях архитектуры, в стиле жизни (средневековая иерархия, выраженная у нас в знаменитом *местничестве*). В Новое время иначе, привативность как принцип исчисления объектов распространяется на любую сферу культурного быта. Теперь бинарность явлена как прямая противоположность оппозитивов по качествам различения, обостряется борьба между этими противоположностями, и принцип личности выходит на первый план. Все противопоставлены всем, и оценка исходит от «Я».

Дискурсивно. с точки зрения возможности высказаться, — развивается содержательная последовательность форм высказывания: загадочное древнерусское молчание — возвышенный средневековый монолог — и диалог Нового времени, диалог, теперь сменяющийся хором. Поэтический дискурс как диалог описал М. М. Бахтин, но уже в начале нашего века Антон Чехов в своих пьесах показал переход к хору — одновременной речи всех, не слышащих друг друга. Это в корне противоречит определению «слова», которое обязательно нужно слышать.

Необходимо по-разному подходить к типу дискурса на каждом этапе его развития; например, теория диалога Бахтина для анализа древнерусских текстов не годится. "Молчание" древнерусской эпохи — это отсутствие собственной речи, но большая активность в дискурсе; очень много заимствований, переводов с разных языков, калькирования важных терминов, ментализации посредством авторитетных образцов речи; даже в "Слове о законе и благодати" *собственных слов Илариона очень мало* — перед нами текст, в котором авторская мысль передана библейскими словами и образами. Монолог является с XV века, но не каждому доверено произнести его. Когда Епифаний Премудрый составил житие Сергия Радонежского, его текст не сразу был принят в качестве освященного, специально пригласили известного агиографа, Пахомия Логофета, который и переработал уже существующий текст Епифания в типично житийный текст. То же в XVI веке: царскому духовнику Сильвестру как бы доверяется "произнести" монолог на темы Домостроя, а митрополиту Макарию — на темы житийных текстов, и т. д. Диалог возникает с двух сторон: говорят и обидчики, и обиженные; например, в XVII в. спорят друг с другом никониане и старообрядцы. Диалог в культуре, в сущности, и стал возможен лишь в результате раздвоения культа на старое и новое, на архаистов и «новаторов» в отношении к форме.

Так мы подошли к категории текст.

3. В е щ ь : текст и слово

Отношение к тексту, слову и самому творчеству исторически также изменялось.

В древнерусский период текст предстает как *essentia*, с XVII в. и в Новое время он воспринимается как *existentia*².

Различия таковы.

В Средневековье текст понимается вещно как явленность сущности, его надлежит *ведать* и *с-каз-ать* (растолковать, раскрыть) как сокровенное и неведомое, как манящую тайну. Читатель должен перечитывать текст, один и тот же Текст, углубляясь мыслями в его первосмысл. Текст ни в коем случае не должен изменяться, но, приспособляясь к обстоятельствам, он может и обязан видоизменяться. "Слово о полку Игореве" — загадочный текст, как будто даже и утраченный. Вели-

² Матхаузерова Св. Две теории текста в русской литературе XVII века // ТОДРЛ. Т. XXXI. Л., 1976. С. 271-284.

кое произведение древности — почему оно не сохранилось? Дело даже не в том, что "монахи" его уничтожали, а татары сожгли все списки. ТЕКСТ остался, и он известен: например, как "Задонщина" или как более поздние, уже и стилистически иные, его варианты. Прежние варианты потому и не переписывались, что влияли на свои продолжения, *ибо на эту тему текст уже есть*. Он один, и все продолжения Слова — только его варианты. Варианты прочтения, то есть коллективного восприятия текста. Текст выражает идею, а не отражает реальность. То, что в единственном списке "Слова" XVI в., дошедшем до начала XVIII в., перепутаны были листы, объясняется тем же: последовательность действий в описании не имеет значения, коль скоро сохраняется идея текста. То же и в поздних произведениях. "Домострой" целый век переписывали с дополнениями по мере нужды, с перестановками и правками как коллективный текст, текст как жанр, текст как образец. "Слово о полку Игореве" и любой древнерусский текст, в том числе и "Домострой", представлены не фактом рукописи, а как система, существующая вне человеческой воли, как "от отцов пошло".

С XVII в. развивается вполне релятивистская теория текста: всякий текст относителен, его можно критиковать, соотносить с другими текстами, каждый раз новыми; он всего лишь источник информации, которую достаточно поверхностно знать и не обязательно глубинно ведать, достаточно про-говор-ить известное. Теперь текст не перерабатывается (каждый древнерусский текст имеет свои редакции и варианты; чтобы их выявить, разрабатывается особая текстология) — теперь *пишется новый текст*; ср. "Домострой" новгородской редакции с "Домостроем" Сильвестра (уже канонический текст и даже с "клеймом" автора: с послесловием, обращением Сильвестра к сыну Анфиму). Текст теперь не система, а норма. Нормативность же текстов создается государственной властью, прямым давлением государственной власти. Нормализация общественной и семейной жизни в царствование Ивана IV учреждается текстами "Стоглава" 1551 г., "Четьих-Миней" митрополита Макария, высочайше утвержденными списками летописи и т. д.).

Различие между с и с т е м о й языка и возникающей на ее основе н о р м о й его употребления состоит в следующем.

Система объективна, существует сама по себе, реально; норма организуется — это не вещь, а идея. Св. Кирилл-Константин приложил усилия, чтобы за славянским переводом Писания добиться признания статуса достоинства и образца, т. е. (соответственно) ранга стиля и текста. Первые наши образцовые тексты действительно были переведены или обработаны; так, "Житие Феодосия Печерского" — слепок с византийского "Жития Саввы Освященного", "Моление Даниила Заточника" — с текстовых формул переводных "Изборников" 1073 г. и 1076 г.; то же относится к летописи, и т. д. В Новое время *место цельного образца занижает сорганизованная и мыслимая парадигма*, представленная и описанная в специальных руководствах, грамматиках, словарях (ср. Граматику Мелетия Смотрицкого 1619 г., в которую вошли реконструкции форм, не соотношенные ни с системой реального языка, ни со стилями литературы того времени).

Изменяется само понимание многих сакральных явлений. Так, в житии Феодосия *чудо* явление в вещи (находится пища в дальнем углу пещеры) — в "Житии Сергия Радонежского" совсем иначе, чудо обретается в слове (Сергий благословляет Дмитрия на победу). Изменяются ключевые символы христианства, это качественно два разных состояния: в Древней Руси — София, в Московской Руси — Троица. И т. д.

Система допускает варианты. Например, различные сборники поучительных "Слов" Иоанна Златоуста, почитаемого на Руси, видоизменяются системно, представая как Златоструй в XII в. — Златая Чепь в XIII в. — Измарагд в XIV в. (смарагд — изумруд, служивший увеличительным стеклом) — Маргарит в XVI в. (жемчуг) и т. д. Любопытно развитие внутренней формы в означивании сборника: золотая струя — золотая цепочка — изумруд — жемчужины. Сущность текста — инвариант один, общий, он сохраняется постоянно, но изменяет свой формы, представая в вариантах

(списках и редакциях). В Новое время это исключено: право авторства запрещает компиляцию и плагиат, оно требует нового инварианта текста, создаваемого посредством другого автора.

Преобразование системы в норму вызывало много нежелательных действий, в том числе и механическое уничтожение древнерусского запаса текстов: на Красной площади в Москве с XV в. запылали костры из "обветшалых книг".

Ритуальность канона (важно даже то, как работает писец) сменяется жесткостью новой традиции, допускавшей в принципе выбор форм в том или ином стиле, жанре и т. д. Если согласно канону, скажем, описание боя в древнерусском тексте дается вполне однообразно, то уже у Пушкина, Марлинского или Льва Толстого оно всегда отличается авторским своеобразием в подборе слов и создании образов.

В древнерусских текстах выражена синкретическая цельность характеристики (это идеал подобия, для которого главное духовность), ибо ценности у всех и для всех одни и те же; в Новое время ценности различаются по интересам; в таких условиях становятся возможными уже и описания природы, и портреты героев, и авторские отступления, и описания обычных вещей.

В древнерусской литературе обращение к высокому — вечность в центре внимания (даже по употреблению глагольных форм), глаз оглядывает направление сверху вниз или снизу вверх. В Новое время развивается горизонтальный вектор право-лево, на фоне торопливости сиюминутных впечатлений, когда важно осознать явление, а не проникнуть в его сущность, впадение в скороговорку низкого стиля и речевая неряшливость.

По всем этим признакам возможны одновременные переходы и возвращения, взаимные замены, тонкие оттенки и пр., но в целом, полнотой совпадающих признаков, соединением всех черт противопоставление старого новому верно. Основной принцип организации текста в древнерусском — *соединение (конъюнкция)*, затем распадение подобий в *а-конъюнкции* и в Новое время *разъединение* по всем параметрам (*дизъюнкция*)³.

Характерно изменение отношения к художественному тексту в наши дни. Филологи первой половины нашего века текст понимали как исходное априорное понятие, как данный, как готовая в производстве вещь. Семиотики середины века понимали текст как *пересечение точки зрения* автора и читателя; такой текст каждый раз как бы воссоздается заново; он не только пишется (автором), но и читается авторски как *з а д а н ы й*, как идея. С же этим связано широко распространенное перенесение терминов специальных (*текст, контекст, подтекст, затекст*) на жизненные ситуации, т. е. вторжение в вещь (основная проблема постмодернизма).

В наши дни возникает стремление прочитывать текст, истолковывая слово. Читатель должен поставить себя на место автора, чтобы понять его идею как осуществленную вещь. Герменевтика — искусство толкования, выходит на первый план при восприятии данного текста в его заданности автором.

Вот почему при чтении древнерусских текстов, оценивая их содержание, мы должны сознавать, что современное восприятие старинного произведения ("вещи") через древнерусское "слово" должно стремиться к тому, чтобы "идею" его понять и осмыслить в полном соответствии с тем, что было, как оно было и почему совершилось.

³ Это термины Игоря Смирнова, но они соответствуют намеченной выше периодизации, см.: Смирнов И. П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. Вена, 1991.

